

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СТРАТЕГИИ МЕЖГРУППОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ¹

© 2003 г. Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко

*Докт. психол. наук, зав. отделом этносоциологии и этнопсихологии

Ин-та этнологии и антропологии РАН, Москва

**Аспирант ф-та психологии ГУГН, м.н.с. отдела этносоциологии и этнопсихологии, там же

Представлены результаты социально-психологических исследований этнической толерантности–интолерантности в четырех поликультурных регионах России: Ростовской области, Поволжье, Республике Башкортостан и Карачаево-Черкесии. На эмпирическом материале 16 этнических групп выявлены и описаны четыре стратегии межгруппового взаимодействия в условиях поликультурности: а) *сохранения своей культуры и принятия “чужих”*; б) *поиска и защиты своей культурной определенности*; в) *разделения по этническому и конфессиональному признакам*; г) *поиска социального включения*. Проводится кросскультурное сопоставление стратегий межгруппового взаимодействия разных этнических и конфессиональных групп в зависимости от особенностей их этнической идентичности и уникальной региональной ситуации межэтнического взаимодействия. Предлагается новый взгляд на процессы межгрупповой интеграции и дифференциации с точки зрения системного подхода.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническая толерантность–интолерантность, социально-психологические установки, социально-психологические факторы этнической толерантности, стратегии межкультурного взаимодействия.

ВВЕДЕНИЕ

В 90-е годы XX столетия проблема межкультурных контактов и их последствий, часто трагических, стимулировала особый интерес социальных психологов к изучению психологической природы межэтнического взаимодействия и этнической (этнокультурной) толерантности и интолерантности.

В социальной и кросскультурной психологии существует ряд теорий, объясняющих интолерантность в межгрупповом (межэтническом) взаимодействии. Это теория социальной идентичности, теории этноцентризма и мультикультурализма, теория управления тревогой/неопределенностью (Anxiety/Uncertainty Management). Ряд идей и положений для построения наших гипотез мы почерпнули из этих теорий и подходов.

Социальная категоризация и теория социальной идентичности. Согласно А. Тэджфелу [28], когда индивиды включены в межгрупповой контакт, их поведение определяется социальными идентичностями. Теория социальной идентичности основана на мотивации индивидов сохранять или изменять членство в группе, а также отноше-

ния своей группы с другими [8]. Основополагающее положение этой теории состоит в том, что индивиды хотят иметь позитивную самоконцепцию, включающую осознание принадлежности к группе с высоким статусом. Тэджфел полагает, что индивиды осуществляют социальную категоризацию, группируя людей важным для них способом и сравнивая свои группы с другими по ценным для них критериям. Одним из следствий процесса категоризации является развитие социальных идентичностей, которые включают в себя осознание индивидом своей принадлежности к группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, приписываемым этой принадлежности. Индивиды формируют позитивную социальную идентичность, когда воспринимают свою группу на вершине значимой для них иерархии ценностей, и негативную – когда их группа “проигрывает” по сравнению с другими по значимым для них критериям [28].

Теория управления тревогой/неопределенностью (Anxiety/Uncertainty Management). Согласно этой теории, эффективное межличностное и межгрупповое взаимодействие подвержено влиянию тревоги и неуверенности, испытываемым при общении с другими людьми. Тревожность побуждает людей предсказывать и объяснять чувства, установки и поведение других [16]; она вызы-

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект № 02-06-00261а).

вается неуверенностью и проистекает из ощущения трудностей, напряжения, озабоченности по поводу того, что может случиться, и основана на страхе возможных негативных последствий [27]. Установлено, что тревожность выше при общении с членами аутгрупп, чем при общении с членами ингрупп [21]. Способы сбора информации в целях уменьшения тревоги и неопределенности различаются в коллективистских и индивидуалистических культурах: члены индивидуалистических культур ищут информацию, основанную на личностных характеристиках незнакомых людей, а члены коллективистских культур – на групповых. Акцент на личностных характеристиках побуждает людей из индивидуалистических культур искать личностное сходство с представителями аутгрупп, а сосредоточение на групповых характеристиках приводит представителей коллективистских культур к поиску групповых сходств при контакте с членами аутгрупп, что не всегда гарантирует успех [22].

Роль этнической идентичности. В исследованиях Д. Берри и М. Плизента по этнической толерантности было установлено, что только уверенность в собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности [13]. Дальнейшие исследования этого вопроса [1, 2] позволили вывести социально-психологический закон связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью: в норме для группового (этнического) сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью; в неблагоприятных социально-исторических условиях данная связь может распадаться или становиться обратной. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и толерантности.

Помимо позитивности–негативности этнической идентичности, на наш взгляд, важной характеристикой этнической идентичности является ее определенность (четкость) – неопределенность (нечеткость, амбивалентность). В кросс-культурной психологии рассматривают две основные модели этнической идентичности. В *линейной биполярной модели* развитие идентичности предполагается как движение в направлении одного из двух полюсов: идентификация со своей группой (поддержание позитивной или принятие негативной этнической идентичности) и с доминантной группой (ложная идентичность, которая встречается у маленьких детей, и измененная в результате свободного выбора идентичность). Однако следует согласиться с Т.Г. Стефаненко [4], что в

реальности люди имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя с двумя, а иногда и более, релевантными группами. Учитывая возможность подобной ситуации, Дж. Берри была предложена *модель двух измерений этнической идентичности*. Она включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга [10]:

моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнической принадлежностью;

моноэтническая идентичность с чужой этнической группой, которая возможна в случаях, когда в полиэтническом обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и другие статусы, чем своя;

биэтническая идентичность, подразумевающая сильную, хотя и разного уровня идентификацию с двумя группами;

маргинальная этническая идентичность.

Говоря о “неопределенности” (нечеткости, амбивалентности) этнической идентичности, мы имеем в виду скорее маргинальную, а не биэтническую идентичность. Ее отличие в том, что индивиды с маргинальной идентичностью “балансируют” между двумя культурами, не овладевая нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты, симптомами которых могут являться тревога, неуверенность, беспомощность, что в согласии с теорией управления тревожностью/неопределенностью может привести к негативным межэтническим установкам и стереотипам, т.е. этнической интолерантности.

Цель исследования: изучить социально-психологические факторы, влияющие на этническую толерантность–интолерантность в межкультурном взаимодействии и построить типологию стратегий межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России.

Предмет исследования: социально-психологические характеристики этнической идентичности и этнической толерантности–интолерантности в поликультурных регионах России.

Объект исследования: представители 16 этнических групп в 4 поликультурных регионах России

Гипотезы исследования:

1. Характеристики этнической идентичности (валентность (позитивность–негативность) и четкость (определенность–неопределенность) связаны с показателями этнической толерантности–интолерантности в межкультурном взаимодействии.

2. Проявление этнической толерантности—интолерантности в межкультурном взаимодействии в поликультурных регионах России зависит от уровня воспринимаемой дискриминации и уровня религиозности.

3. Факторы, вызывающие этническую интолерантность, взаимосвязаны с активизацией определенных стратегий и установок в межкультурном взаимодействии: уменьшение—увеличение социальной дистанции с контактирующими группами; формирование установки на поддержание своей культуры; разделение по этническому и/или религиозному признаку.

4. Разные группы могут выбирать различные варианты стратегий межкультурного взаимодействия в поликультурных регионах России; эти стратегии будут во многом определяться степенью валентности и четкости их этнической идентичности.

МЕТОДИКА

Выборка. В исследовании принимали участие 1248 респондентов, проживающих в следующих регионах России: Южный Федеральный округ (Ростовская область), Республика Башкортостан, Поволжье (город Самара), Северный Кавказ (Карачаево-Черкесия)². Этнический состав выборки по регионам представлен в табл. 1. Возраст респондентов — от 22 до 63 лет. Образование — среднее, среднее специальное и высшее. Опрос проводился в Карачаево-Черкесии — 1999–2000 гг., Башкирии и Поволжье — 2000–2001 гг., Южном Федеральном округе — 2002 г.

Инструментарий и процедура опроса. Респондентам предлагалось заполнить анкету, которая содержала разработанные в соответствии с целями исследования шкалы, а также модификации известных методик. Ниже дается краткое описание показателей и основных методик, использованных в исследовании.

1. *Валентность этнической идентичности.* Показателями служили чувства, связанные с этничностью, и степень позитивности или негативности автостереотипов.

1.1. Чувства, связанные с этничностью: респонденту нужно было с помощью шкалы от 1 до 5 указать, какое из чувств вызывает у него принадлежность к своей нации — а) гордость (5 баллов); б) спокойную уверенность (4 балла); в) никаких чувств (3 балла); г) обиду (2 балла); д) ущемленность, униженность (1 балл).

1.2. Валентность этнических автостереотипов оценивалась с помощью методики этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели — “открытый” вариант. В зависимости от соотношения позитивных и негативных характеристик приписанные респондентом представителям иноэтнической группы качества кодировались следующим образом: 4–5 положительных качеств — 5 баллов; 3 положительных, 1–2 отрицательных — 4 балла; 2 положительных, 2–3 отрицательных — 3 балла; 1 положительное, 3–4 отрицательных — 2 балла; 5 отрицательных — 1 балл.

2. *Четкость или амбивалентность этнической идентичности* (для ее оценки использовалось два показателя):

² Исследование в Ростовской обл. проведено А.Н. Татарко, А.Н. Солдатенковым и С.А. Кордой; в Башкирии — А.А. Выходило и А.Н. Татарко; в Поволжье (Самара и Самарская обл.) — Ю.А. Гагуровой; в Карачаево-Черкесии — Ф.М. Малхозовой и Н.М. Лебедевой.

Таблица 1. Состав выборки

Регион	Этническая группа	Число респондентов (n)	Всего по региону (n)
Ростовская область	Казаки*	144	451
	Русские Ростовской области	127	
	Турки-месхетинцы	75	
	Чеченцы	35	
	Украинцы	30	
	Армяне	40	
Республика Башкортостан	Башкиры	102	316
	Татары Башкирии	76	
	Русские Башкирии	84	
	Удмурты	54	
Поволжье (Самара)	Чуваши	35	127
	Татары Самарской области	92	
	Северный Кавказ (Карачаево-Черкесия)	90	
Северный Кавказ (Карачаево-Черкесия)	Черкесы	90	354
	Карачаевцы	90	
	Абазыны	87	
	Ногайцы	87	
Всего		1248	

* Следует отметить, что этнологи считают казаков субкультурной группой русских, сами же казаки, опрошенные нами, рассматривали себя как самостоятельную этническую группу.

2.1. Степень близости и понятности представителей других этнических групп для респондента оценивалась с помощью утверждения: “Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу”.

2.2. Для оценки степени идентификации с представителями иной этнической группы респонденту предлагалось отметить, насколько он ощущает себя представителем соседней с ним этнической группы. (Например, удмуртам предлагалось утверждение: “Я ощущаю себя башкиром” и т.д.)

3. *Этническая толерантность—интолерантность* оценивалась комплексно с помощью ряда показателей: валентность гетеростереотипов, степень приемлемости представителей иноэтнических групп (по шкале социальной дистанции). Дополнительно использовалось утверждение, позволяющее оценить степень общей этнической толерантности—интолерантности респондентов: “Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов”.

4. *Установка на сохранение своей культуры* оценивалась с помощью блока утверждений, например: “Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции, образ жизни своего народа” или “Мне не нравится, что в нашей культуре и языке появилось слишком много чужеродного”.

5. *Установка на дифференциацию по религиозному и этническому признакам* измерялась с помощью ряда утверждений, например: “Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга”, “Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знакомлюсь”.

6. *Уровень воспринимаемой дискриминации* измерялся с помощью утверждения: “Меня крайне задает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа”. Также задавался вопрос: “Приходилось ли Вам сталкиваться в повседневной жизни с такими формами поведения в отношении людей Вашей национальности: а) никогда не сталкивал-

Таблица 2. Корреляции между валентностью этнической идентичности и этнической толерантностью–интолерантностью

Валентность этнической идентичности	Показатели этнической толерантности–интолерантности к представителям иноэтнических групп	Корреляция по Кендаллу (τ)	Этнические группы, к которым принадлежали респонденты
Позитивная этническая идентичность (чувства, связанные с этничностью, автостереотипы)	<u>позитивный гетеростереотип культурно-близких народов:</u>		
	украинцев	0.3***	русские Рост. обл.
	башкир	0.3*	татары Башкирии
	абазин	0.33***	черкесы
	ногайцев	0.3*	карачаевцы
	черкесов	0.5***	карачаевцы
	<u>позитивный гетеростереотип культурно-далеких народов:</u>		
	цыган	0.4*	украинцы Рост. обл.
	удмуртов	0.35*	татары Башкирии
	русских	0.4***	башкиры
	удмуртов	0.3***	башкиры
	русских	0.4***	карачаевцы
	уменьшение социальной дистанции с чеченцами	0.3***	русские Рост. обл.
	общая этническая толерантность	0.36*	украинцы Рост. обл.
	отрицание разделения по этническому признаку	0.3**	русские Башкирии
	отрицание разделения по этническому признаку	0.58***	украинцы Рост. обл.
Негативная этническая идентичность (чувства, связанные с этничностью, автостереотипы)	увеличение социальной дистанции с цыганами	–0.3*	турки-месхетинцы
	увеличение социальной дистанции с украинцами	–0.3*	турки-месхетинцы
	увеличение социальной дистанции с чеченцами	–0.3*	турки-месхетинцы
	установка на разделение по этническому признаку	0.34*	чеченцы
	установка на разделение по религиозному признаку	0.54*	чеченцы

* Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.05$.** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.01$.*** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.001$.

ся с негативным отношением к себе на национальной основе; б) внешних признаков нет, но чувствую недоброжелательность; в) были затруднения в личном общении; г) были затруднения на бытовом уровне; д) испытывал(-а) ограничения в получении работы”.

(Степень согласия со всеми вышеприведенными утверждениями, использованными в методиках, оценивалась респондентом по 5-балльной шкале от 1 – “абсолютно не согласен” до 5 – “абсолютно согласен”).

7. *Категориальная структура этнического сознания* оценивалась с помощью модифицированного семантического дифференциала [3, 7]. Респондентов просили оценить выраженность определенного набора качеств у себя, своей этнической группы и иноэтнических групп-соседей по шкале от 0 до 5 баллов, где 0 – отсутствие качества, 5 – максимальная его выраженность. Качества, предлагавшиеся для оценки: *сплоченность, трудолюбие, сила, ум, религиозность, агрессия*. Помимо реальных этнических групп, живущих в регионе, респондентам также предлагалось оценить некие гипотетические группы: *народ, которым я восхищаюсь (народ-идеал), отвергаемый мною народ, народ-завоеватель, завоеванный народ*. Результаты шкалирования позволяли построить субъективные семантические пространства. Построение субъективных семантических пространств дает возможность получить своего рода “срез” структуры сознания в заданной методически области, а также обнаружить специфику отношения друг к другу у представителей различных национальностей.

8. *Уровень религиозности* оценивался с помощью вопроса “Насколько Вы религиозны?”. Варианты ответа к вопросу представляли порядковую шкалу: совсем нет – 1 балл, средние – 2 балла, очень – 3 балла.

Способы обработки данных. Взаимосвязь между показателями выявлялась с помощью коэффициента корреляции рангов Кендалла (τ). Зависимость определенных показателей от уровней факторов оценивалась с помощью Н – критерия Крускала–Уоллиса, который является непараметрическим аналогом однофакторного дисперсионного анализа [6]. Предпочтение данному критерию перед дисперсионным анализом было отдано вследствие того, что параметры распределений зависимых переменных отличались от параметров нормального распределения. Данные, полученные посредством модифицированного семантического дифференциала, обрабатывались путем факторного анализа с помощью метода главных компонент с последующим вращением факторных нагрузок методом varimax. Далее осуществлялось расположение оцениваемых испытуемыми объектов (в данном случае это были этнические группы) в пространстве выделенных факторов. Для этого вычислялись факторные веса объектов шкалирования, а затем объекты располагались в факторном пространстве. При обработке данных использовались статистические пакеты Statistica 5.1 и SPSS 10.0.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа показателей валентности этнической идентичности (автостереотипов и чувств, связанных с этничностью) с показателями этнической толерантности–интолерантности.

Позитивность этнических автостереотипов и чувств, связанных с этничностью, положительно коррелирует с такими показателями, как: а) позитивные гетеростереотипы культурно-близких на

Таблица 3. Корреляции между четкостью–амбивалентностью этнической идентичности и этнической толерантностью–интолерантностью

Четкость–неопределенность этнической идентичности	Показатели этнической толерантности–интолерантности к представителям иноэтнических групп	Корреляция по Кендаллу (τ)	Этнические группы, к которым принадлежали респонденты
Четкая этническая идентичность	позитивный гетеростереотип удмуртов	0.36*	русские Башкирии
	позитивный гетеростереотип удмуртов	0.4**	татары Башкирии
	позитивный гетеростереотип русских	0.42**	чеченцы
	уменьшение социальной дистанции с армянами	0.3*	чеченцы
Неопределенная этническая идентичность	негативный гетеростереотип украинцев	–0.3*	турки-месхетинцы
	негативный гетеростереотип чеченцев	–0.33***	казаки
	негативный гетеростереотип турок	–0.3*	казаки
	негативный гетеростереотип чеченцев	–0.54*	армяне
	увеличение социальной дистанции с татарами	–0.37**	башкиры
	увеличение социальной дистанции с удмуртами	–0.34*	башкиры
	увеличение социальной дистанции с русскими	–0.38**	башкиры
	установка на разделение по этнич. признаку	0.3***	удмурты
	установка на разделение по религиозн. признаку	0.4*	армяне

* Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.05$.** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.01$.*** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.001$.

родов; б) позитивные гетеростереотипы культурно-далеких народов; в) уменьшение социальной дистанции с культурно-далекими народами; г) отрицание разделения по этническому признаку; д) общая этническая толерантность.

В табл. 2 показаны значимые корреляционные связи между показателем негативной этнической идентичности (негативные чувства, связанные с этничностью) и следующими показателями этнической интолерантности: а) увеличение социальной дистанции с другими группами мигрантов в регионе; б) установка на разделение по этническому признаку; в) установка на разделение по профессиональному признаку.

Таким образом, можно констатировать, что этническая толерантность–интолерантность в межкультурном взаимодействии в поликультурных регионах России взаимосвязана с валентностью этнической идентичности контактирующих групп: с одной стороны, чем более позитивна их этническая идентичность, тем более они склонны к толерантным установкам в межкультурном взаимодействии, к сближению с представителями инокультурных групп, к снижению значимости этнической принадлежности во взаимодействии. С другой стороны, чем негативнее компоненты этнической идентичности, тем более выражены установки на разделение по этническому и профессиональному признаку, тем дальше социальная дистанция с другими низкостатусными группами (мигрантами) в регионе.

Далее рассматривалось, существует ли взаимосвязь между степенью четкости–амбивалентности этнической идентичности и этнической то-

лерантностью–интолерантностью в межкультурном взаимодействии. Данную гипотезу (как и все последующие) мы проверяли на результатах исследований в двух поликультурных регионах из четырех: в Южном Федеральном округе ($n = 451$) и в республике Башкортостан ($n = 316$), результаты исследований по двум другим регионам проходят процедуру дополнительной обработки и унификации.

Значимые корреляционные связи показателей четкости этнической идентификации с показателями этнической толерантности–интолерантности представлены в табл. 3.

Из таблицы видно, что четкость этнической идентичности позитивно коррелирует с такими показателями этнической толерантности–интолерантности, как:

а) позитивные гетеростереотипы культурно-далеких групп; б) уменьшение социальной дистанции с культурно-далекими группами; в) уменьшение социальной дистанции с культурно-близкими группами.

Неопределенность этнической идентичности, в свою очередь, коррелирует с такими показателями этнической интолерантности, как: а) негативный гетеростереотип культурно-далеких народов; б) увеличение социальной дистанции с культурно-далекими народами; в) увеличение социальной дистанции с культурно-близкими народами; г) установка на разделение по этническому признаку; д) установка на разделение по конфессиональному признаку.

Итак, согласно данным, представленным в табл. 3, четкость (определенность) этнической

Таблица 4. Зависимость общей этнической интолерантности от воспринимаемой дискриминации и уровня религиозности

Фактор	Зависимая переменная	<i>H</i> -критерий	Уровень значимости	Этнические группы, к которым принадлежали респонденты
Уровень воспринимаемой дискриминации	Общая этническая интолерантность	8.8	$p < 0.03$	казаки
		10.02	$p < 0.03$	русские Башкирии
Уровень религиозности	Общая этническая интолерантность	6.7	$p < 0.03$	казаки
		4.7	$p < 0.05$	татары Башкирии
		7.0	$p < 0.03$	русские Башкирии
		5.8	$p < 0.05$	турки-месхетинцы

идентичности позитивно связана с показателями этнической толерантности, а ее неопределенность (амбивалентность) – с показателями этнической интолерантности.

Далее с помощью *H*-критерия оценивалась зависимость общей этнической толерантности от

уровней двух переменных-факторов (воспринимаемая дискриминация и религиозность), которые теоретически должны влиять на этническую интолерантность и поэтому закладывались в методику исследования в качестве независимых переменных. Результаты анализа представлены в табл. 4. Согласно *H*-критерию, от фактора **воспринимаемой дискриминации** действительно зависит этническая интолерантность казаков Ростовской области и русских Башкирии. Зависимость общей этнической интолерантности от фактора **религиозности** выявлена у казаков, татар и русских Башкирии.

Факторы, связанные с этнической интолерантностью и влияющие на нее, были прокоррелированы с другими переменными в целях выявления основных установок на межэтническое взаимодействие, демонстрируемых этническими группами в процессе адаптации к условиям поликультурности. Корреляционная связь дублировалась проверкой зависимости переменной от уровня фактора с помощью *H*-критерия. Результаты представлены в табл. 5 и 6.

Таблица 5. Установки на межэтническое взаимодействие в зависимости от уровня воспринимаемой дискриминации

Наименование фактора	Установка	Корреляция по Кендаллу (τ)	<i>H</i> -критерий	Этническая группа (респонденты)
Уровень воспринимаемой дискриминации	увелич. социальной дистанции с армянами	-0.22**	7.62 ($p < 0.05$)	казаки
	увелич. социальной дистанции с турками	-0.3*	8.61 ($p < 0.03$)	
	увелич. социальной дистанции с армянами	-0.35*	не обнаружено	украинцы
	увелич. социальной дистанции с чеченцами	-0.35*	не обнаружено	
	увелич. социальной дистанции с цыганами	-0.3*	не обнаружено	русские ЮФО
	увелич. социальной дистанции с армянами	-0.3*	не обнаружено	
	увелич. социальной дистанции с русскими	-0.3*	не обнаружено	башкиры
	увелич. социальной дистанции с башкирами	-0.24*	не обнаружено	татары РБ
	уменьш. социальной дистанции с русскими	0.42**	8.5 ($p < 0.03$)	украинцы
	уменьш. социальной дистанции с казаками	0.3***	11.9 ($p < 0.01$)	турки
	уменьш. социальной дистанции с армянами	0.3*	9.2 ($p < 0.05$)	
	установка на поддержание своей культуры	0.3*	12.6 ($p < 0.01$)	русские ЮФО
	установка на поддержание своей культуры	0.5***	8.5 ($p < 0.03$)	украинцы
	установка на поддержание своей культуры	0.3**	не обнаружено	турки
	установка на поддержание своей культуры	0.3*	не обнаружено	башкиры
	установка на поддержание своей культуры	0.46***	6.3 ($p < 0.05$)	удмурты
	установка на поддержание своей культуры	0.3***	не обнаружено	русские РБ
	дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3	8.8 ($p < 0.03$)	казаки
	дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.34**	15.5 ($p < 0.003$)	турки
	дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3*	13.2 ($p < 0.004$)	удмурты
	дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3***	10.1 ($p < 0.03$)	русские РБ
	дифференциация по этническому признаку	0.3*	не обнаружено	русские ЮФО
	дифференциация по этническому признаку	0.45**	не обнаружено	армяне
	дифференциация по религиозному признаку	0.36	не обнаружено	украинцы
	дифференциация по религиозному признаку	0.3*	не обнаружено	чеченцы

* Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.05$.

** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.01$.

*** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.001$.

Таблица 6. Установки на межэтническое взаимодействие в зависимости от уровня религиозности

Наименование фактора	Установка	Корреляция по Кендаллу (τ)	(H -критерий)	Этническая группа (респонденты)
Уровень религиозности	Увелич. социальной дистанции с турками	-0.3*	не обнаружено	казаки
	Увелич. социальной дистанции с цыганами	-0.3*	9.8 ($p < 0.001$)	русские ЮФО
	Увелич. социальной дистанции с русскими	-0.26*	не обнаружено	чеченцы
	Увелич. социальной дистанции с украинцами	-0.35**	3.93 ($p < 0.04$)	
	Увелич. социальной дистанции с цыганами	-0.36**	4.39 ($p < 0.04$)	
	Увелич. социальной дистанции с украинцами	-0.3*	не обнаружено	казаки
	Увелич. социальной дистанции с армянами	-0.35**	4.03 ($p < 0.04$)	чеченцы
	Уменьш. социальной дистанции с казаками	0.51**	не обнаружено	украинцы
	Уменьш. социальной дистанции с русскими	0.3*	не обнаружено	чуваши
	Установка на поддержание своей культуры	0.3*	не обнаружено	турки
	Установка на поддержание своей культуры	0.3**	не обнаружено	чеченцы
	Установка на поддержание своей культуры	0.44***	не обнаружено	татары РБ
	Установка на поддержание своей культуры	0.3**	не обнаружено	удмурты
	Установка на поддержание своей культуры	0.3**	не обнаружено	татары Поволжья
	Дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3*	5.9 ($p < 0.05$)	казаки
	Дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3*	7.9 ($p < 0.01$)	русские ЮФО
	Дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3*	не обнаружено	удмурты
	Дифференциация по религиозному признаку	0.3**	13.45 ($p < 0.05$)	татары Поволжья

* Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.05$.** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.01$.*** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.001$.

Согласно данным табл. 5, фактор воспринимаемой дискриминации (чувствительность к оскорблениям по этническому признаку) способствует активизации следующих установок на межэтническое взаимодействие:

1) Изменение социальной дистанции: а) увеличение социальной дистанции с культурно-далекими народами (у казаков, русских ЮФО, украинцев, башкир); б) увеличение социальной дистанции с культурно-близкими народами (татары Башкирии); в) уменьшение социальной дистанции с культурно-близкими народами (украинцы); г) уменьшение социальной дистанции с культурно-далекими народами (турки-месхетинцы).

2) Установка на поддержание своей культуры (русские ЮФО, украинцы, турки-месхетинцы, башкиры, удмурты, русские Башкирии). Согласно H -критерию, от фактора воспринимаемой дискриминации зависит активизация установки на поддержание своей культуры (у русских ЮФО, украинцев, удмуртов).

3) Установка на разделение: а) по этническому и конфессиональному признаку (у казаков, турок-месхетинцев, удмуртов, русских Башкирии). Согласно H -критерию, установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам зависит от уровня воспринимаемой дискриминации; б) по этническому признаку (русские ЮФО,

армяне); в) по конфессиональному признаку (украинцы, чеченцы).

Второй фактор, уровень религиозности, способствует активизации следующих установок на межэтническое взаимодействие (см. табл. 6):

1) Изменение социальной дистанции: а) увеличение социальной дистанции с культурно-далекими народами (у казаков, русских ЮФО, чеченцев); б) увеличение социальной дистанции с культурно-близкими народами (у казаков); в) уменьшение социальной дистанции с культурно-близкими народами (украинцы, чуваши). Согласно H -критерию, от уровня религиозности зависит увеличение социальной дистанции с культурно-далекими народами (у русских ЮФО и чеченцев).

2) Установка на поддержание своей культуры (у русских ЮФО, турок-месхетинцев, чеченцев, удмуртов, татар Башкирии, татар Поволжья).

3) Установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам (у казаков, турок-месхетинцев, русских ЮФО, татар Поволжья). Проверка зависимости данной установки от уровня фактора с помощью H -критерия позволяет сказать, что установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам в данном случае также зависит от уровня религиозности.

Таблица 7. Стратегии межэтнического взаимодействия в поликультурных регионах России

Характеристики этнической идентичности	Позитивность	Негативность
Четкость	<p>1) Сохранение своей культуры и принятие “чужих”</p> <p><i>Русские ЮФО, украинцы, русские РБ, татары РБ</i> позитивные гетеростереотипы низкостатусных групп (<i>цыган, мигрантов-армян, удмуртов</i>)</p> <p>уменьшение социальной дистанции с другими группами</p> <p>установка на поддержание своей культуры</p> <p>отсутствие установки на разделение по этническому признаку</p> <p>общая этническая толерантность</p>	<p>3) Разделение по этническому и конфессиональному признакам и этническая интолерантность</p> <p><i>Чеченцы</i></p> <p>позитивные гетеростереотипы высокостатусных групп (<i>русских, украинцев</i>)</p> <p>уменьшение социальной дистанции с высокостатусными группами (<i>казаками, армянами</i>)</p> <p>установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам</p> <p>высокий уровень религиозности</p> <p>общая этническая интолерантность</p>
Амбивалентность (неопределенность)	<p>2) Поиск и защита своей культурной определенности</p> <p><i>Казаки, армяне, башкиры, удмурты РБ</i></p> <p>позитивные стереотипы культурно-близких и негативные – культурно-далеких народов (ЮФО)</p> <p>позитивные стереотипы культурно-далеких и негативные – культурно-близких народов (РБ)</p> <p>увеличение социальной дистанции с другими группами</p> <p>установка на поддержание своей культуры</p> <p>установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам</p> <p>высокий уровень религиозности (<i>казаки</i>)</p> <p>общая этническая толерантность (<i>армяне, удмурты, башкиры</i>)</p>	<p>4) Поиск социального включения</p> <p><i>Турки-месхетинцы</i></p> <p>позитивные гетеростереотипы “неагрессивных” народов (<i>русские, украинцы, армяне, цыгане</i>)</p> <p>уменьшение социальной дистанции со всеми группами</p> <p>установка на поддержание своей культуры</p> <p>снижение уровня религиозности</p>

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ

Согласно данным нашего исследования в поликультурных регионах России, такие характеристики этнической идентичности, как позитивность и четкость, взаимосвязаны с показателями этнической толерантности, а такие характеристики, как негативность и амбивалентность, – с показателями этнической интолерантности. Показано, что этническая интолерантность может зависеть от уровня воспринимаемой дискриминации и уровня религиозности; выявлен ряд установок на межкультурное взаимодействие, демонстрируемых этническими группами. На основе этих результатов осуществлялось построение модели стратегий, реализуемых группами с разными характеристиками этнической идентичности. Для этого мы разделили обследованные нами этнические группы в двух регионах (ЮФО и РБ) на четыре категории в зависимости от сочетания показателей валентности и четкости идентичности. Затем в четыре сформированных квадранта были помещены наиболее часто демонстрируемые этими

группами установки на межэтническое взаимодействие.

В категорию “*позитивных/четких*” попали те этнические группы, у представителей которых преобладали позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью, а сама этническая идентичность была определенной. В категорию “*позитивных/амбивалентных*” попали те группы, у членов которых позитивность этнической идентичности находилась в сочетании с отсутствием ясности и определенности своей этнической принадлежности. Категорию “*негативных/четких*” составили те группы, у представителей которых четкость своей этнической принадлежности сочеталась с негативными чувствами, а в категорию “*негативных/амбивалентных*” вошли группы, представителям которых свойственно сочетание негативных чувств с неопределенностью этнической идентичности (см. табл. 7).

Несмотря на многочисленные различия между этническими группами (культурные особенности, статус, длительность проживания в регионе и т.д.), были выявлены сходные особенности групповой адаптации к условиям поликультурности и основных стратегий межкультурного взаимодей-

Рис. 1. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия русских.

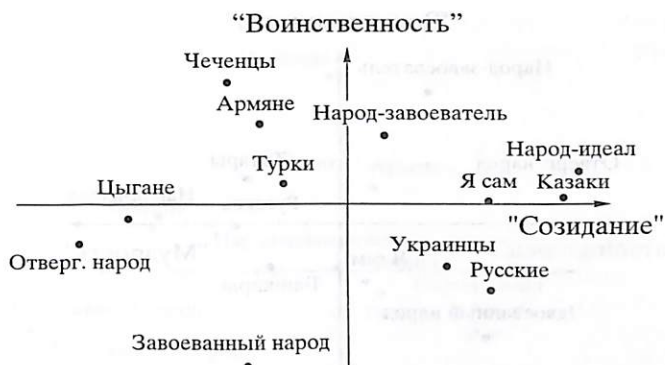

Рис. 2. Семантическое пространство межэтнического восприятия казаков.

ствия у тех групп, которым свойственны сходные характеристики этнической идентичности. Это говорит о том, что состояние этнической идентичности представителей разных этнических групп является серьезным детерминирующим фактором установок на межэтническое взаимодействие в поликультурных регионах России.

Первая стратегия – «сохранение своей культуры и принятие «чужих»». Позитивность и четкость этнической идентичности, согласно данным нашего исследования, сочетаются с позитивным восприятием низкостатусных групп, уменьшением социальной дистанции с другими этническими группами, отсутствием установки на разделение людей по этническому и религиозному признакам, общей этнической толерантностью. Это никоим образом не означает «невидения» культурных границ и различий: четкость этнической идентификации предполагает ясную этническую картину мира, в которой присутствует деление по неким признакам на «своих» и «чужих», «ближних» и «дальних», но в то же время имеется готовность преодолеть такое деление, проделать работу по включению «чужих» в «свой», наблюдается отрицание фатальности этнического и религиозного разделения.

В качестве иллюстрации этой стратегии может выступить субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия русских Ростовской области, одной из групп, реализующих данную стратегию (описание модифицированного семантического дифференциала, способ его обработки и построения субъективных семантических пространств см. в разделе «Методика»). Семантическое пространство образовано двумя факторами: «Созидание» (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: *сильный, трудолюбивый, умный*) и «Сплоченность» (в него с положительной нагрузкой вошли шкалы: *религиозный и сплоченный*) (рис. 1). Данные факторы являются позитивными, что может свидетельствовать и о позитивности этнической картины ми-

ра, в которой нет предрасположенности к негативной оценке других этнических групп.

В сознании русских *украинцы* и *русские* оцениваются как созидательные, но не сплоченные, а в самом «позитивном» квадранте – созидательных и сплоченных – располагаются *казаки, народ-идеал* и *народ-завоеватель*. Это свидетельствует о том, что в сознании русских казаки предстают более позитивно оцениваемой группой по значимым для них критериям (созидательность, трудолюбие и сплоченность), чем их собственная группа. Чеченцы и армяне воспринимаются русскими как сплоченные, но не стремящиеся к труду и созиданию. Заметим, что ни одна из оцениваемых русскими этнических групп не попала в тот же квадрант, в котором оказались такие гипотетические объекты оценки, как *отвергаемый народ* и *завоеванный народ*.

Вторая стратегия – «поиск и защита своей культурной определенности». Сочетание позитивности и амбивалентности этнической идентичности предполагает позитивное восприятие культурно-близких народов и негативное – культурно-далеких народов (на юге России), с одной стороны, и полностью противоположная тенденция в Республике Башкортостан: позитивное восприятие культурно-далеких и негативное – культурно-близких народов. На первый взгляд противоположные тенденции на самом деле имеют одну и ту же цель – повышение определенности своей этнической (культурной) принадлежности, просто в первом случае это достигается дистанцированием от культурно-далеких групп (чеченцы, турки-месхетинцы), а во втором – от культурно-близких (татары Башкирии). В качестве иллюстрации этой стратегии может выступить семантическое пространство межэтнического восприятия в сознании представителей групп, реализующих данную стратегию (казаки и башкиры) (см. рис. 2, 3).

Важно отметить, что семантическое пространство казаков очень похоже на аналогичное прост-

Рис. 3. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия башкир.

пространство русских, только несколько отличается содержанием второго фактора: у русских это – “сплоченность”, а у казаков – “воинственность” (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: агрессивный и сплоченный), причем это – позитивная характеристика, ибо созидательные и воинственные в сознании казаков: *Я сам, народ-идеал, народ-завоеватель, казаки*. При этом русские и украинцы оцениваются как “созидательные”, но не “воинственные”, а чеченцы, армяне и турки – “воинственные”, но не “созидательные”.

Субъективное семантическое пространство башкир образовано факторами “Мудрость” (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: талантливый, мудрый, религиозный, трудолюбивый) и “Воинственность” (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: воинственный и расчетливый) (рис. 3). В семантическом пространстве башкир их собственный народ оценивается как “мудрый” и “не воинственный”, в то время как русские, татары и народ-идеал представляются одновременно и мудрыми и воинственными, что

Таблица 8. Расположение объектов оценки по фактору “Групповая иерархия” у чеченцев

Ранг	Объект оценки (группа)	Факторный вес объекта оценки
1	Народ-идеал	1.34998
2	Чеченцы	1.01571
3	Я сам	0.95811
4	Армяне	0.49554
5	Русские	0.18520
6	Цыгане	0.03474
7	Украинцы	-0.11295
8	Казаки	-0.21107
9	Народ-завоеватель	-0.69483
10	Завоеванный народ	-0.86013
11	Отвергаемый народ	-2.16030

свидетельствует о неблагоприятном сравнении собственной группы с данными группами. Об этом же говорит и то, что объект оценки *Я сам* попал в категорию “не мудрых” и “не воинственных”, в один квадрант с так называемым *завоеванным народом*. Это расхождение между *Я сам* (самоконцепцией) и *башкирами* (своей этнической идентичностью) – свидетельство амбивалентной, неопределенной этнической идентичности.

Третья стратегия – “разделение по этническому и конфессиональному признакам и этническая интолерантность”. Сочетание четкости и негативности этнической идентичности представляет другую стратегию межкультурного взаимодействия, для которой характерны: позитивная оценка высокостатусных групп и уменьшение социальной дистанции с высокостатусными группами в регионе; установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам; высокий уровень религиозности и общая этническая интолерантность. Это стратегия этнической и конфессиональной сепарации и ориентации на статус и доминирование в межэтническом взаимодействии. Видимо, негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью, являются следствием фрустрации мощной потребности в высоком статусе своей этнической и религиозной группы. Иллюстрировать реализацию указанной стратегии можно данными, приведенными в табл. 7.

Факторизация ответов чеченцев по методике семантического дифференциала позволила выделить единственный фактор, интерпретированный как “Групповая иерархия” и включающий в себя с положительной нагрузкой следующие шкалы (в порядке убывания нагрузки): *сплоченность, трудолюбие, сила, ум, религиозность, агрессия*. Все объекты оценки, в зависимости от их факторного веса, располагаются в иерархическом порядке по оси данного фактора. Ниже приводится табл. 8 с факторными весами объектов оценки в порядке убывания по данному фактору.

Мы склонны предполагать, что этот фактор имплицитно содержит оценку права на доминирование, и все контактирующие группы располагаются в некоем иерархическом порядке со своей группой наверху (чеченцы) и реально доминирующей группой (казаки) внизу иерархии.

Последняя, четвертая стратегия – “поиск социального включения” реализуется группой, для которой характерны сочетание негативной и амбивалентной этнической идентичности. Данная стратегия содержит следующие установки: на поддержание своей культуры; позитивное восприятие “неагрессивных” народов (*русские, украинцы, армяне, цыгане*), уменьшение социальной дистанции со всеми группами; снижение уровня своей религиозности. Очевидно, что эта стратегия отражает желание мирного сосуществования

(высокая оценка *неагрессивных* народов) и желание социальной близости с представителями всех контактирующих групп, а также готовность жертвовать некоторыми культурными маркерами (снижение уровня религиозности) ради социального мира. Вместе с тем эта стратегия не означает готовности к культурной ассимиляции, ибо включает установку на сохранение и поддержание своей культуры. Семантическое пространство, выстроенное в поле двух факторов: “Сплоченность” (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: *сплоченный, религиозный, сильный*) и “Агрессия” (в данный фактор со значимой положительной нагрузкой вошла только одна шкала – *агрессивный*), показывает готовность к сближению турок-месхетинцев с русскими, близкую социальную дистанцию с украинцами и готовность к позитивному взаимодействию с другими группами (более “агрессивными”) – см. рис. 4.

Можно заметить, что выявленные стратегии напоминают по смыслу стратегии аккультурации Берри [10]: **интеграцию** (сочетание установок на поддержание своей культуры и контакты с другой, в его модели аккультурации – доминирующей этнической культурой), **сепарацию** (установки на поддержание своей культуры и нежелание контактов с другими культурами), **ассимиляцию** (нежелание сохранять свою культуру и выраженные установки на контакты с доминирующей культурой) и **маргинализацию** (отсутствие установок на поддержание своей культуры и отказ от межэтнического взаимодействия). Действительно, между этими стратегиями есть много общего: первая – это, бесспорно, стратегия интеграции, однако относительно совпадения других выделенных нами стратегий со стратегиями Берри имеются серьезные сомнения.

Первое несовпадение – в основу классификации нами закладывались разные критерии. У Дж. Берри – это два типа установок, в основу которых были положены два варианта отношений мигрантов: принятие или отвержение своей этнической культуры и принятие или отвержение других культур. Наша классификация базировалась лишь на одном отношении: к собственной этнической культуре (степень позитивности и четкости своей этнической идентичности). Имплицировано в этом отношении присутствует рефлексия того, как другие группы относятся к моей этнической группе (оценка принятия или отвержения ингруппы со стороны аутгрупп, часто доминирующих в регионе), поскольку валентность и четкость этнической идентичности может быть следствием осознания неприятия своей группы влиятельными аутгруппами. Это зеркальный по отношению к критерию Берри параметр: если у него базовым является отношение мигранта к аутгруппе, то у нас (имплицитно) – восприятие членами ингруппы отношения аутгруппы к их этнической группе,

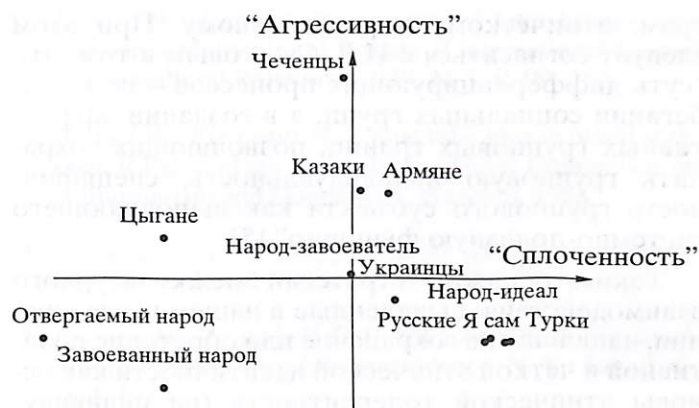

Рис. 4. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия турок-месхетинцев.

спроецированного на собственное отношение к своей этнической идентичности. Неслучайно, набор и содержание стратегий в нашем случае отличаются от предложенных Берри, хотя и частично пересекаются с ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимание специфики межэтнического взаимодействия в поликультурном регионе требует, на наш взгляд, **перехода на более высокий уровень анализа – системный**. Рассматривая поликультурный регион как социальную систему, в которой каждая группа выступает в качестве элемента этой системы, можно понять суть процессов интеграции и дифференциации этнических групп как **этапов развития системы**. С этой точки зрения поликультурные регионы с длительным периодом совместного сосуществования этнических групп (Поволжье, Башкирия и др.) представляют собой достаточно сбалансированные системы, в которых интегративные процессы превалируют над процессами дифференциации и в которых большей частью существуют так называемые надэтнические общности регионального типа, несущие в себе некий “сплав” культурных характеристик населяющих их этнических групп: знание языков, элементов традиционных культур, обычаев и норм поведения. Для таких регионов характерны высокий уровень базовой этнической толерантности и отсутствие серьезных межэтнических конфликтов.

Регионы, для которых современная поликультурность является достаточно новым фактором (вследствие миграции групп с далекой культурной дистанцией), представляют собой другой тип систем – несбалансированных и стремящихся к поискам межгруппового баланса, понимаемого каждой группой по-своему. Для таких регионов ведущими являются процессы межгрупповой дифференциации по наиболее значимым параметрам.

трам: этническому и религиозному. При этом следует согласиться с И.Р. Сушковым в том, что «суть дифференцирующих процессов – не в разбегании социальных групп, а в создании эффективных групповых границ, позволяющих сохранить групповую индивидуальность, специфичность группового субъекта как выполняющего системно-полезную функцию» [5].

Таким образом, стратегии межкультурного взаимодействия, выявленные в нашем исследовании, нацелены на сохранение или обретение позитивной и четкой этнической идентичности как основы этнической толерантности (на индивидуальном и групповом уровнях), а также – на сбалансирование системы межгруппового взаимодействия (на уровне социальной системы – поликультурного региона). А более глубоко – это социально-психологические механизмы сохранения этнических культур (что способствует обретению личностного смысла индивидами) и этнического многообразия (что способствует сохранению и выживанию социальной системы), ибо основа такого выживания – мир и межкультурная терпимость.

ВЫВОДЫ

1. Такие характеристики этнической идентичности, как **валентность** (позитивность–негативность) и **четкость** (определенность–неопределенность), связаны с показателями этнической толерантности–интолерантности в межкультурном взаимодействии. Установлено, что **позитивность** этнической идентичности (этнических автостереотипов и чувств, относящихся к собственной этнической принадлежности) связана с этнической толерантностью, а негативность – с интолерантностью. Результаты исследования в двух поликультурных регионах России, Южном Федеральном округе и Республике Башкортостан, выявили неоднозначную взаимосвязь между показателями **четкости** этнической идентичности и этнической толерантности–интолерантности. Было установлено, что как **четкость** (определенность), так и **неопределенность** этнической идентичности могут быть связаны и с этнической толерантностью, и с этнической интолерантностью.

2. Большую диагностическую ценность, на наш взгляд, представляет не степень четкости этнической идентичности сама по себе, а ее сочетание с валентностью этнической идентичности – сочетание позитивности и четкости этнической идентичности с большой долей вероятности способствует проявлению этнической толерантности в межкультурном взаимодействии. Сочетание же негативности этнической идентичности с ее четкостью приводит к проявлению этнической

интолерантности. Неопределенность этнической идентичности вместе с ее позитивностью допускает наличие как этнической толерантности, так и этнической интолерантности. Здесь, по нашему предположению, играет роль разная природа неопределенности этнической идентичности в различных поликультурных регионах: в Республике Башкортостан она имеет естественную «неопределенность» из-за низкой значимости этнической категоризации, а в Южном Федеральном округе, напротив, выраженную «двойственность» в силу процессов конструирования новой самостоятельной группы (казаки).

3. Было установлено, что проявление этнической интолерантности в двух поликультурных регионах России может зависеть от следующих факторов: уровня воспринимаемой дискриминации и уровня религиозности. Чем выше уровень воспринимаемой дискриминации, тем в большей степени выражена этническая интолерантность. Высокий уровень религиозности может способствовать проявлению общей этнической интолерантности.

4. Факторы, вызывающие этническую интолерантность, способствуют активизации различных установок в межкультурном взаимодействии:

- а) установка на поддержание своей культуры;
- б) изменение социальной дистанции с контактирующими группами;
- в) разделение по этническому и/или религиозному признаку.

5. В зависимости от характеристик этнической идентичности разные группы выбирают различные варианты стратегий межкультурного взаимодействия в поликультурных регионах России:

а) группы с позитивной и четкой этнической идентичностью склонны выбирать стратегию **сохранения своей культуры и принятия «чужих»**. Позитивность и четкость этнической идентичности, согласно данным нашего исследования, сочетается с позитивным восприятием низкостатусных групп, уменьшением социальной дистанции с другими этническими группами, отсутствием установки на разделение людей по этническому и религиозному признакам, общей этнической толерантностью;

б) группы с позитивной и неопределенной этнической идентичностью преимущественно выбирают стратегию **поиска и защиты своей культурной определенности**. Сочетание позитивности и амбивалентности этнической идентичности предполагает более четкое позиционирование себя в этнокультурном пространстве посредством манипуляции социальной дистанцией, активизации установок на поддержание своей культуры и на разделение по этническому и конфессиональному признаку.

ному признакам. Это своего рода “культурные маркеры”, способствующие росту четкости и определенности этнической идентичности;

в) группы с негативной и четкой этнической идентичностью используют стратегию **разделения по этническому и конфессиональному признакам**. Сочетание четкости и негативности этнической идентичности представляет стратегию межкультурного взаимодействия, для которой характерны: стремление к сближению с высокостатусными группами в регионе; установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам; высокий уровень религиозности и общая этническая интолерантность. Это стратегия этнической и конфессиональной сепарации и ориентации на статус и доминирование в межэтническом взаимодействии;

г) группы с негативной и неопределенной этнической идентичностью демонстрируют стратегию **поиска социального включения**, для которой характерны: позитивное восприятие “неагрессивных” народов; уменьшение социальной дистанции со всеми группами; установка на поддержание своей культуры; снижение религиозности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М.: Изд-во ИЭА АН СССР, 1993.
2. Лебедева Н.М. Социально-психологическая аккультурация этнических групп: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.
3. Петренко В. Ф. Основы психосемантики М.: МГУ, 1997.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999. С. 232.
5. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений групп в социальной системе: Автореф. ... докт. психол. наук. М., 2002.
6. Тюрин Ю.Н. Непараметрические методы статистики. М.: Знание, 1978.
7. Этнос. Идентичность. Образование / Под ред. В.С. Собкина. М., 1998.
8. Abrams D., Hogg M. (Eds.) Social identity theory: Constructive and critical advances. N.Y., 1990.
9. Berger C., Calabrese R. Some explorations in initial interactions and beyond // Human communication research. 1975. V. 1. P. 99–112.
10. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge, 1992.
11. Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey // Canadian Journal of Behavioural Science. 1995. V. 27 (3). P. 301–320.
12. Berry J.W., Kalin R. Reciprocity of Inter-Ethnic Attitudes in a Multicultural Society // International Journal of Intercultural Relations. 1979. № 3. P. 99–112.
13. Berry J.W., Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies // Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, 1984.
14. Bogardus E.S. Stereotypes versus sociotypes // Sociological and Social Research. 1950. № 34. P. 286–291.
15. Brewer M., Campbell D.T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. N. Y.: Sage/Halsted, 1976.
16. DeRidder R., Tripathi, R. (Eds.) Norm violation and intergroup relations. Oxford: Clarendon, 1992.
17. Duckitt J. The social psychology of prejudice. Westport, Conn.: Praeger, 1994.
18. Esses V., Haddock G., Zanna M. Values, stereotypes and emotions as determinants of intergroup attitudes // Affect, cognition and stereotyping: Interactive process in group perception / Eds. D.M. Mascie, D.L. Hamilton N.Y.: Academic, 1993. P. 137–166.
19. Gudykunst W. et al. Uncertainty reduction in Japanese–North American dyads // Communication Research reports. 1986. № 3. P. 39–46.
20. Gudykunst W. et al. The influence of individualism-collectivism on communication in ingroup and outgroup relationships // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1992. № 23. P. 196–213.
21. Gudykunst W. Anxiety/Uncertainty Management (AUM) theory: Current status // Intercultural communication theory / Ed. R.L. Wiseman. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.
22. Gudykunst W., Shapiro R. Communication in everyday interpersonal and intergroup encounters // International Journal of Intercultural Relations. 1996. № 20. P. 19–45.
23. Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students. // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. № 28. P. 280–290.
24. Kuhn M., McPartland T. An empirical investigation of self-attitudes // American Sociological Review. 1954. V. 19 № 1.
25. Le Vine R., Campbell D.T. Ethnocentrism: Theories of conflict, attitudes and group behavior. N. Y.: Wiley, 1972.
26. Stephan W., Stephan C. Intergroup anxiety // Journal of Social Issues. 1985. № 41. P. 157–176.
27. Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison // Differentiation between social groups / Ed. by H. Tajfel. London: Academic, 1978. P. 61–76.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF ETHNIC TOLERANCE AND THE STRATEGIES OF INTERGROUP INTERACTION IN MULTICULTURAL REGIONS OF RUSSIA

N. M. Lebedeva*, A. N. Tatarko**

**Dr. sci. (psychology), head of the chair of ethnosociology and ethnopsychology,
Institute of ethnology and anthropology RAS, Moscow*

**Postgraduate, Department of psychology, State University of Humanities, jun. res. ass., the same Institute

There are presented the results of social-psychological researches of the ethnic tolerance-intolerance in four multicultural regions of Russia: Rostov Province, Krasnodar Province, Stavropol Province (in Southern Russia), the Bashkiria Republic, the city of Samara in the Volga region, the Karachaev-Cherkes Republic. On the empirical data obtained in 16 ethnic group there were distinguished and described four strategies of intergroup interaction in multicultural conditions: (1) preserving one's culture and accepting "alien" cultures. (2) searching for and defending one's cultural salience. (3) discriminating between people according to ethnic and confessional criteria. (4) search for social inclusion. The cross-cultural comparison of the strategies of intergroup interaction between different ethnic and confessional groups (related to peculiarities of their ethnic identity and unique regional situation of interethnic interaction) is made. The new look at the processes of intergroup interaction and differentiation within the framework of system approach is proposed.

Key words: ethnic identity, ethnic tolerance-intolerance, social-psychological attitudes, social-psychological factors of ethnic tolerance, strategies of intergroup interaction.